

Содержание

Моему читателю	10
СЛОВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	12
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК	14
ЯЗЫКОВЫЕ ШУМЫ И ПОМЕХИ	19
СЛОВА И СЛОВЕСНЫЕ СООБЩЕСТВА В ЗАМЕДЛЕННОМ ЧТЕНИИ.	36
Что было у Плюшкина?	36
Загадочный AgNO_3	42
Водомет и водомёт	45
В поле нашего зрения слово экран	51
О прилагательном пресловутый	53
О слове риза у Пушкина и особенно у Лермонтова	55
Поэт и гражданин	60
«За звук один...»	65
Слова он весил осторожно	68

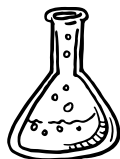
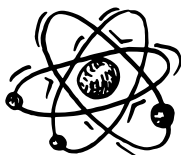
НИКОЛАЙ ШАНСКИЙ

Правильно ли без запятых?	70
Не напрасно о слове <i>напрасно</i>	72
Возможное заблуждение	74
О белых ночах	76
<i>Телескоп, виды и павильон</i>	79
Хлеб с маслом	81
О пирамидальном тополе	83
<i>Сапоги его скрипели</i>	87
О двух словах драгунского капитана	91
Неясный <i>ропот</i>	94
О двух строчках из стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта»	96
<i>Грозный суд</i> или <i>грозный судия?</i>	101
В гостях у архаической лексики поэмы «Руслан и Людмила»	106
<i>Галстук</i> и <i>галстух</i>	109
Что такое <i>пальто?</i>	113
Еще об одном названии одежды	115
Разные написания в кавычках	118
Какую Рахметов тянул ляжку?	122
Во что и зачем стучал сторож?	124
XXXV строфа первой главы «Евгения Онегина»	127
О значении двух слов на <i>эпи-</i>	130
Пучок зари	135
Скобки в XLVII строфе главы четвертой	138

РЕШИТЕ САМИ. Чем торгует Лондон щепетильный!	141
Ответы	145
А вдруг не то вдруг ?	147
Мечты и мечты	151
О взорах и взглядах	155
Про годину , годовщину и год , а заодно — про лето и весну	157
В каком месяце Пушкин изображает деревню в стихотворении «Деревня»?	162
Небось и наверное в поэме Н. Некрасова	165
РЕШИТЕ САМИ. Трудные строки «Кому на Руси жить хорошо»	170
Ответы	173
Два слова из «Железной дороги»	175
Хрипуны Грибоедова и Чехова	177
Каков он — глагол кушать ?	180
Какая погода?	182
Семантика слова вечор	185
Не только ветрило	189
Сыны Авзонии и сыны Дронштейма	192
Перечитывая «Зимнее утро»	195
Наглая смерть	199
Светоч , да не тот	201
Вот такие, дорогие мои, пироги и щи	205
Фразы с перифразой	209

РЕШИТЕ САМИ. Переведите на современный язык	215
Ответы	218
Об одном довольно странном окончании	219
О словосочетании о <i>третьем годе</i>	224
Знал ли Пушкин орфографию?	227
<i>Вижь</i> и другие	229
<i>Навстречу Печорина</i>	232
<i>Пойдёт</i> — не пойдёт	235
Ты пищу в нем себе <i>варишь</i>	240
<i>Ц</i> или <i>С</i> ?	243
РЕШИТЕ САМИ. В гостях у Пушкина	245
Ответы	249
Мирные глаголы	252
От <i>березового молока</i> до <i>плакучей лещуги</i>	256
Что позволено Ломоносову, не позволено Есенину	259
<i>Шушун</i>	263
<i>Поэт</i> и <i>пиит</i>	265
Корогод	269
О странной строчке из поэмы С. Есенина «Анна Снегина»	271
О существительном <i>обилие</i> во множественном числе	275
Таинственное словосочетание	277
В наших жилах — кровь, а не водица	280
РЕШИТЕ САМИ. Куда ведут клипсы-лапки...	284
Ответы	288

РЕШИТЕ САМИ. В плену поэтических строк	
Б. Пастернака	292
Ответы	295
ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ГЛАЗАМИ ЛИНГВИСТА	297
«Прощай, немытая Россия...» М. Лермонтова	297
Не просто слова	306
Алгебра поэтической гармонии	311
Быть самим собой	318
РЕШИТЕ САМИ. Еще одно, последнее, задание	325
Ответы	332
Использованные лингвистические термины	340

Загадочный AgNO_3

У всех вас (это несомненно) прочно сохранился в памяти драматический разговор Базарова с его отцом после возвращения Евгения Васильевича от уездного врача, у которого он анатомировал умершего крестьянина. Вот он:

«Дня три спустя Базаров вошел к отцу в комнату и спросил, нет ли у него адского камня.

— Есть; на что тебе?

— Нужно... ранку прижечь.

— Кому?

— Себе.

— Как себе! Зачем же это? Какая это ранка? Где она?

— Вот тут, на пальце. Я сегодня ездил в деревню, знаешь — откуда тифозного мужика привозили. Они почему-то вскрывать его собирались, а я давно в этом не упражнялся.

— Ну?

— Ну, вот я и попросил уездного врача; ну, и порезался. Василий Иванович вдруг побледнел весь и, ни слова не

говоря, бросился в кабинет, откуда тотчас же вернулся с кусочком адского камня в руке».

Сразу же возникает вопрос: что Базаров просил у отца и что тот ему дал?

Впрочем, приведем еще два предложения из их диалога:

«— Как ты полагаешь, Евгений, не лучше ли нам прижечь железом?

— Это бы раньше надо сделать; а теперь по-настоящему и адский камень не нужен. Если я заразился, так уж теперь поздно».

Итак, Василий Иванович дал сыну, чтобы им прижечь ранку, адский камень.

Что же это за лекарственный препарат?

Ответить на данный вопрос можно только тогда, когда вы обратитесь к 17-томному академическому «Словарю современного русского литературного языка» или к кому-нибудь из медиков. Такое обстоятельство связано с тем, что медицинская терминология, как и всякая другая, относится к словарной периферии литературного языка и хорошо известна только специалистам. Тем более что здесь мы сталкиваемся с архаическим термином, рядом с которым ныне употребляется синоним более частотный. *Адский камень* — название азотнокислого серебра, то есть ляписа.

Наверняка вам хочется узнать, почему нитрат серебра (ляпис) называется «адским камнем». Скорее всего, за свой черный цвет, вызывавший ассоциации с тьмой кромешной. Вообще-то, устойчивое словосочетание *адский камень* является фразеологической калькой латинского выражения *lapis infernalis* (*lapis*, *-idis* — «камень», *infernum* — «ад»,

Водомет и водомёт

Одно слово *водомет* нам всем хорошо знакомо, хотя мы его не находим даже на страницах первого тома академического четырехтомного «Словаря русского языка», вышедшего в 1981 г.

Оно постоянно употребляется нами, когда речь идет о тушении пожаров, а также иногда встречается на газетной полосе в сообщениях о демонстрациях трудящихся, студентов в защиту своих прав и свобод, коль скоро в корреспонденции говорится о странах «свободного» мира. В качестве примера приведем заметку 1980-х гг. «Из водометов по демонстрации»:

«Тогда к демонстрантам подъехали темно-зеленые машины с *водометами*. Таким образом, *водометы*, считавшиеся ранее вспомогательными средствами полиции, превратились в поражающее оружие с широким сектором действия. Этот случай заставит многих задуматься над вопросом, чего стоят разглагольствования о правах человека, в том числе о праве на демонстрации в ФРГ, под дулами усовершенствованных мощных *водометов* западногерманской полиции.

(«Известия», 6 июля 1984 г.)»

ного от гибели дельфином, очарованным его чудесным пением. В заключительной части стихотворения Пушкин подтверждает свою верность свободолобивым идеалам:

На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И *ризу* влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Смысловую нагрузку (причем идеологической значимости) в этом четверостишии несут лишь первые две строчки. Остальные две строчки, образующие присоединительную конструкцию с *и*, воспринимаются как чисто версификационный довесок, избыточный с информативной точки зрения и необходимый лишь для соблюдения строфического порядка. Именно здесь и появляется перед нами слово *риза*. Оно явно не современной семантики. Чтобы сделать этот вывод, достаточно вспомнить, что у Ариона, мифического певца языческой Древней Греции, одежды христианского священника (да к тому же для совершения богослужения) просто не могло быть: это было бы явным анахронизмом.

Каково же значение существительного *риза* в этом контексте? Такое же, какое оно когда-то имело, — «одежда». Пушкин употребил здесь это слово в том архаическом значении, которым оно в начале XIX в. еще обладало (сравните народную загадку о кочанной капусте: «Антипка низок, на нем сто ризок») и которое ему было свойственно, вероятно, с самого своего рождения (сравните древнерусские *ризы кожаны, сѣнискахѣ тѣкмо ризоу стронуьноу, в ризу корабленическую облекся* и т.д.; хорватское *риза* — «одежда»; болгарское *риза* — «рубаха» и т.д.).

Заметим, что по своему происхождению слово *риза* скорее является производным от той же основы, что и *резать*, подобно тому как существительное *рубь* (откуда – *рубаха*, *рубище*) – от *рубить*. Таким образом, *риза влажная* у Пушкина значит «мокрая одежда».

Не ризой оказывается *риза* и у Лермонтова в стихотворении «На севере диком стоит одиноко...», очень вольном, но от этого не менее чудесном переводе гейневской миниатюры «*Ein Fichtenbaum steht einsam*»:

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как *ризой*, она...

Неточно понимают слово *риза* в этом контексте не только многие рядовые читатели, но и Л. Щерба. По поводу двух строк разбираемого стихотворения он пишет, что снег сыпучий «...лежит мягко и может лишь содействовать впечатлению волшебной сказки, вводимому словами И *дремлет, качаясь* и усугубленному сверкающей, очевидно, на солнце, *ризой* (выделено автором. – Н. Ш.), в которую превратилось *Decke*. Лермонтова не смущает ни ветер, который предполагается его же вставкой *качаясь* и от которого снег должен был бы облететь, ни сосна, на которой сыпучий снег никак не держится, – ему нужен красивый поэтический образ, уничтожающий трагедию немецкого оригинала...» (см.: Л. Щерба. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957. С. 100–101).

Оставим в стороне красивые, но, мягко выражаясь, малодоказательные и ничего не говорящие слова Л. Щербы о том, что сыпучий снег «может

О белых ночах

В поэме «Сказка для детей» М. Лермонтова, которую В. Белинский, Н. Гоголь и Н. Огарёв считали лучшим стихотворным произведением поэта, большую часть составляет следующий за авторским введением повествовательный монолог основного героя — нового Демона. В своей исповеди-рассказе он, в частности, говорит:

Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою *денницей*
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

Внимательное чтение этой строфы дает нам исчерпывающий ответ на вопрос, поставленный в заглавии заметки. Пять конечных строк, не имеющих в своем составе ничего неизвестного и особого, сообщают нам только о том, что дело было, как говорится, не зимой: «Нева, журча,

бежала к Финскому заливу». Точное (до месяца) время показывают предыдущие четыре строчки. Но для этого надо их читать не спеша и (если это вам неизвестно) узнать в словарях, какое значение имеет слово *денница*. Указанное существительное, о чем свидетельствуют все толковые словари, значит «утренняя заря» и является традиционно-поэтическим архаизмом (сравните у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Блеснет завтра луч *денницы*, И заиграет яркий день...»). Слово *денница* встречается у Лермонтова уже в его первой поэме «Черкесы»:

*Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.*

Теперь все ясно, если вы будете вникать в лермонтовский текст. *Румяный запад* — «солнечный закат», *новая денница* — «восход», и они сливаются вместе, рядом, как свиданье и разлука. Так это же очень искусное и выразительное описание белой ночи, когда вокруг не обычная темнота, а «странный полусвет»! Мы подходим к раз-

вязке. Герой пролетал над столицей, которой был тогда Петербург. Теперь надо вспомнить лишь, когда в этом городе бывают белые ночи. Если на свою память полностью не полагаться, можно заглянуть в «Большой энциклопедический словарь».

Там сказано: «В Санкт-Петербурге (около 60° с. ш.) белые ночи продолжаются с 11 июня по 2 июля». Как видим, все было летом, по тогдашнему календарю, в третьей декаде июня или первой декаде июля.

*Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз молодая дева
Мечтами легкие мечты...*

Неоднократно слово *мечта* встречается и в иных местах романа (см., например, X строфу главы 3 и строфу XLV главы 6, III строфу главы 7, XXXVI, XLI и XLV строфы главы 8 и др.).

И все это привычное и обычное слово *мечта*, столь же наше, сколь и Пушкина. Но есть в романе «Евгений Онегин» и другие мечты. Слово *мечта* может являться и является нам в двух контекстах с такими значениями, которые ему в настоящее время уже несвойственны.

В одном случае слово *мечта* выступает у Пушкина как «эрзац» существительного *сновидение*, как обозначение того, что снится:

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он:
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон. (Глава 8)

В другом случае слово *мечта* у Пушкина (уже в форме множественного числа) оказывается еще более интерес-

ным, поскольку его собственное значение — «видение» — неразрывно слито со значением стоящего рядом и определяющего его прилагательного *черные*:

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, *черные мечты*. (Глава 6)

Причем слито настолько тесно, что отдельно восприниматься и не должно. Почему? Да потому, что оно является «осколком» семантики породившего эти слова фразеологизма *видеть все в черном свете*. Впрочем, увидеть это можно только при замедленном чтении, хотя и без какого-либо специального лингвистического анализа. На первый же взгляд слово *мечты* здесь может показаться простым и обычным, а слово *черные* — очень своеобразным, хорошим и свежим эпитетом.

Внимательное и неспешное чтение предшествующей строфы показывает, однако, что в соответствующем месте Пушкин усыплял вовсе не мечты.

Вспомним, что предшествует разбираемому контексту:

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель:
Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк.
Но от друзей спаси нас, Боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я. (Глава 4)

Но обратимся к тексту, такому знакомому и близкому, многим известному наизусть.

Начнем с первой строфы:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой *сомкнуты* негой *взоры*
Навстречу северной *Авроры*,
Звездою севера явись!

В этой строфе при замедленном чтении наш взгляд должен прежде всего остановиться на четвертой — шестой строчках: «Открой сомкнуты негой взоры Навстречу северной Авроры, Звездою севера явись!» В них содержатся не только два «темных» слова, хотя их неясность может быть не замечена, но и два устаревших ныне архаических факта. Во-первых, разве не удивляет вас словосочетание *открой... взоры*? Сейчас ведь только можно *бросать взоры, устремить взоры, потупить взоры* и т.д. Здесь же это существительное имеет старое значение — «глаза». Заметим, что поскольку слово *взоры* образовано от *взирать* — «смотреть», то оно по своей внутренней форме аналогично диалектному *гляделка* (от *глядеть*). Отмеченное значение слова *взор* встречается в художественной речи первой половины XIX в. постоянно. И не только в стихах! В романе М. Загоскина «Аскольдова могила» мы читаем: «Неподвижные взоры Рогнеды горели каким-то диким огнем...» В «Евгении Онегине» А. Пушкина герой появляется перед Татьяной, *блистая взорами* («...прямо перед ней, Блистая взорами, Евгений Стоит подобно грозной тени»), и т.д.

Идем далее. В следующей строчке нас поджидает собственное имя, написанное с большой буквы, *Аврора*, по своему значению являющее-